

РЕКВИЕМ НА ДВА ГОЛОСА

В середине ноября 2006 г. на филологическом факультете МГУ им. М.В.Ломоносова состоялась Вторая Международная научная конференция “Русская литература XX-XXI веков: проблемы теории и методологии изучения”. Среди многочисленных докладов, имеющих непосредственное отношение к проблемам методологии изучения литературы, привлекает внимание уже своим заглавием доклад известного учёного, профессора МГУ М.М.Голубкова “Есть ли сейчас литературный процесс?” [1]. Многим такой вопрос покажется несомненно риторическим: если в самом общем виде под литературным процессом понимать процесс развития литературы, то, какой бы эта последняя ни была ныне, она есть и, несомненно, хоть как-то, но развивается, ergo... .

Это, конечно же, так, однако, прочитав весь материал, понимаешь, что М.М.Голубков, видимо, вкладывал в этот вопрос иной смысл. В своём докладе ученый показывает, что всё, с чем мы привычно связываем понятие “литературный процесс”, либо утрачено современной литературой, либо изменилось до неузнаваемости, а потому применить данное понятие к современному этапу развития словесности просто невозможно. Что же отличает литературу сегодняшнего дня от литературы дня вчерашнего?

Поражает, как отмечает М.М.Голубков, прежде всего полное отсутствие взаимосвязи между элементами литературного процесса. Множественные литературные явления не складываются в систему. Попытки самоорганизации литературы по группировкам, манифестам, программам ничего не дают, ибо они объединяют крайне малое количество людей и об их существовании никто не знает. Не происходит и традиционная консолидация по принципам эстетического или идеологического единства, ибо самосознание писателя характеризуется глухотой к творчеству других, равнодушием к литературе в целом, а потому безуспешными оказываются научные попытки описания современного литературного процесса через описание течений и направлений. Литературный процесс оказывается чрезвычайно многообразным, хаотичным, случайным, лишенным логики и видимой закономерной эволюции. Это ставит под вопрос самоё возможность выстраивания парадигм современного литпроцесса. Литература XXI в. оказывается, по М.М.Голубкову, явлением не просто не организованным, но принципиально не организуемым в систему.

Еще одним важным отличительным свойством современной литературы является то, что она утратила свой исконный высокий статус в культурной иерархии. Изменение культурного статуса литературы привело к потере ее важнейшей функции: формирования национального сознания, рефлексии о национальной судьбе, поисков места страны в современном мире. Литература перестает быть идеологической сферой, формирующей национальную идентичность, перестает быть формой общественной саморефлексии, потому что общество утратило способность и потребность мыслить о себе языком литературы. И виноваты в этом не словесность, не художник, а общество, распавшееся на первичные элементы и утратившее потребность (или способность) к саморефлексии и самоидентификации не только посредством литературы, но и других сфер общественного сознания.

Литература стремительно обретает новые функции в контексте культуры. Раз общество не хочет видеть в писателе учителя и нравственную инстанцию, то появляется новый писатель – профессионал-технолог. Литература становится только бизнесом, фабрикой литературы. Чтение перестает быть престижным занятием. По мысли М.М.Голубкова, уже изменились сами функции литературы: она стала формой досуга, делом сугубо частным. Слово писателя заглушено голосом телеведущего. Книга перестала быть фактором общественной и частной жизни. Читатель – уже не фигура сотворчества, а только потребитель. Немногие истинные читатели и писатели не могут найти друг друга. Голос критика, всегдашнего посредника в их диалоге, неразличим.

В целом разнообразие литературы предстает ныне как хаотическое нагромождение случайных и необязательных художественных явлений. Налицо полное отсутствие иерархии и соподчинения, потребности художника сориентироваться в литературном пространстве. В этих условиях любая из маргинальных сегодня случайностей может завтра определить характер литературного процесса, вопрос лишь в том, которой из них это удастся.

По мысли Голубкова, всего этого еще в конце XX века не было. Всё это стремительно возникло в XXI веке, настолько стремительно, что невозможно понять, почему. Это новое состояние литературы, по Голубкову, никак не порождается теми процессами и закономерностями, которые характеризуют литературный процесс ещё в конце XX века; ученый не усматривает здесь никакой каузальности. Если так, то это состояние порождено какими-то факторами случайного характера. Литература оказалась на распутье и случайно выбрала не тот путь развития.

Можно ли согласиться с данной М.М.Голубковым характеристикой литературы начала XXI века? На мой взгляд, можно. Это характеристика смелая, потому что она не подстраивается под какую-либо заранее заданную теоретическую концепцию (скорее, наоборот, она сама “ищет” такую концепцию, т.е. нуждается в концептуальном объяснении). Это характеристика глубокая, потому что она говорит не о второстепенных деталях, а о важнейших чертах современной литературы. Это характеристика убедительная, ибо каждая констатация в ней подкреплена (или легко может быть подкреплена) фактами.

Однако, соглашаясь с тем, что современный литпроцесс утратил системность, а литература утратила свой высокий статус в системе культуры, я не могу согласиться с тем, что всё это произошло, во-первых, стремительно и, во-вторых, случайно: слишком уж глобальны эти изменения, “слишком уж везде” (а не только в России) они происходят, слишком уж одинаково (до мелочей) проявляются в самых разных странах и регионах, чтобы быть случайными. К этому состоянию, по моему убеждению, литература шла долго, и симптомы её приближения и вхождения в это состояние обнаруживаются задолго до наших дней.

Согласно концепции, которой я придерживаюсь, в послеантичной истории европейской литературы можно выделить религиозно-риторический этап (в русской литературе он занимает период от XI до середины XVII в.), светско-риторический этап (середина XVII – 1-я треть XIX в.) и эстетический этап (этап художественности: 2-я и 3-я трети XIX века). До рубежа XIX-XX веков типы литературы последовательно сменяют один другой. Специфика же литпроцесса XX века заключается в том, что в нём проявляются черты, признаки, свойства всех трех этих типов литературы.

Известно, что внутри одного типа литературы можно обнаружить противоречия, подчас весьма существенные, как, например, противоречия между классицизмом и сентиментализмом. Однако их принадлежность к одному типу литературы означает, что роднящие их черты сходства значительно сильнее противоречий, которые их разделяют. Вот почему тип литературы, при всём многообразии входящих в него направлений, можно представить как некую целостность (что я и попытался сделать в своей книжке: [2]). Вот почему, сколь бы разнообразной ни была литература конца XVII – начала XIX века, от барокко до романтизма, она может быть представлена как некая целостность.

А вот противоречия между типами литературы имеют антагонистический характер, из чего следует, что литературный процесс XX века, в котором смешались черты всех типов литературы, такой целостности не представляет, это конгломерат, т.е. механическое соединение не всегда совместимых вещей.

М.М.Голубков говорит о том, что в XXI веке разнообразные литературные явления (например, реализм и модернизм) не складываются в систему. Если помнить о том, что первым и главным признаком системы является целостность, то станет ясно, что уже в литературе XX века (думаю, даже уже предвоенной) этой системности не было и быть не могло. Кафка и Голсуорси, Джойс и Карел Чапек, Гашек и Музиль, Франс и Унамуно: всё это первоклассные писатели, но попробуйте уложить хотя бы только их творчество в некую единую систему – едва ли выйдет что-нибудь путное. Таким был литературный процесс в Европе, еще более антагонистичным по своей природе он был в Советском Союзе.

Отсюда следует, что признаки целостности, а за ними и системности, литературный процесс начал утрачивать уже, по крайней мере, с начала XX века, и чем дальше – тем больше. Его сегодняшняя хаотичность – результат, как минимум, векового развития литературы.

Утрата литературным процессом системности проявилась, по М.М.Голубкову, также и в том, что писателей теперь трудно дифференцировать по идеологическим и эстетическим принципам, а потому в литпроцессе не удастся выделить на основании этих принципов привычные для нас течения и направления. На мой взгляд, и это вряд ли стоит считать некоей неожиданной новацией литературы последних лет. И это – порождение долгой литературной эволюции. Историческая судьба литературного метода оказалась в принципе аналогичной судьбе, скажем, стиля или жанра.

В Средневековье существуют, как показал Д.С.Лихачев, стили эпох, т.е. определенной эпохе свойствен один общий для всех стиль (монументализм, эпический стиль, идеализирующий биографизм и т.п.). В светско-риторическую эпоху понятие стиля сужается: речь идет о стиле жанра и – реже – о стиле направления, но так как в одну эпоху существуют множество жанров и ряд направлений, то эпоха характеризуется уже неким множеством стилей. Наконец, в литературе художественной на место стилю жанра и стилю направления приходит индивидуальный авторский стиль. И теперь не то что в рамках протяженной по времени эпохи, но в любой данный момент времени в литературе существует бесчисленное множество стилей. Здесь понятие стиля еще более сужается и индивидуализируется.

Аналогичным образом сужается и индивидуализируется жанр. Уже у романтиков в каждом произведении смешивается такое множество признаков разных жанров, в таких причудливых, сугубо индивидуальных сочетаниях, что можно констатировать: каждое произведение написано в “собственном” жанре, в жанре “самого себя”, в жанре *ad hoc*.

Этот же путь – сужения и индивидуализации – проходит и литературное сознание. Известный медиевист Г.К. Вагнер в книге о каноне и стиле в древнерусском искусстве, вышедшей 20 лет назад, писал, что всё средневековое русское искусство создаётся в рамках одного художественного метода [3]. Действительно, средневековый, т.е. религиозно-риторический, тип художественно-литературного сознания не просто целостен – монолитен. Позднее, в светско-риторическую эпоху литературное сознание дифференцируется на художественные методы как идейно-эстетические платформы направлений – классицизм и сентиментализм, просветительский реализм и предромантизм, т.д. В рамках направления, чем дальше – тем заметнее, начинают выделяться течения. Наверное, особенно заметно это впервые проявилось в романтизме.

В ходе дальнейшего развития индивидуальности, так сказать – дальнейшей индивидуализации человеческого сознания, происходит и дальнейшая индивидуализация художественно-литературного сознания. О сколько-нибудь заметном сходстве, единстве идейно-эстетических принципов можно говорить по отношению к всё более узкому кругу писателей; в XX веке счет авторам, объединяемым одной платформой, обычно ведётся уже даже не десятками, а единицами. Эти крохотные объединения, действительно, как замечает М.М.Голубков, известны лишь самим их членам да их близким. Многие ли – не просто читатели, но профессиональные литературоведы, – назовут членов таких совсем недавно существовавших в русской литературе последней трети XX века объединений, как “лианозовцы”, “смог”, “метаметафоризм”, “митьки”, “орден куртуазных маньеристов”? Вряд ли. Да и сами они достаточно иронично смотрели на своё участие в этих объединениях.

В эпоху художественности автор осознаёт свое творчество как сугубо индивидуальное дело, себя – как единственного и неповторимого творца со своей неповторимой идеологией и неповторимой эстетикой, никак не связанными ни с какими иными и ни с чьими иными идеологиями и эстетиками. Поэтому теперь ему нет дела ни до других писателей, ни до читателей. Отсюда – та глухота, то отсутствие диалога, то нежелание читать других, которые, по М.М.Голубкову, характеризуют современного писателя. Творчество стало чистым самовыражением (если не стало чистым бизнесом).

Теперь у каждого писателя свой художественный метод. Значит, феномен художественного метода и парный для него феномен литературного направления в привычном виде попросту перестают существовать. Вместе с этим неминуемо теряют привычные значения и становятся едва ли не бессмысленными **понятия** художественного метода и литературного направления. Литературоведение оказывается перед необходимостью выработки нового понятийного аппарата для современного литературного процесса.

Теперь о других отмечаемых М.М.Голубковым особенностях современной литературы – об утрате ею своего статуса в культуре, об отказе ее от решения важнейших проблем и т.д. Тут можно было бы говорить много, я остановлюсь только на 3-х моментах.

М.М.Голубков констатирует: “Невероятно быстро произошла утрата традиционного для нас еще с петровского времени литературоцентризма” (1,31). Действительно, литература долгое время была главным искусством не только в России. На определенном этапе истории литература стала выполнять важнейшую общекультурную миссию. Литература стала властительни-

цей дум, когда стала наилучшей моделью жизни, позволяющей человеку решать комплекс важнейших для него задач. Литература была оптимальным средством создания той виртуальной художественной реальности, которой должна была быть модель жизни, созданная культурой для помощи человеку, ставшему индивидуальностью. И пока литература выполняла эту миссию, она была вне конкуренции. Так было до середины XX века.

Теперь культура становится видеокультурой. Модель жизни, создаваемая кино и телевидением, куда ближе к действительности, чем создаваемая литературой: эта модель, в конце концов, состоит не из слов, которые не похожи на предметы и явления и которые нужно усилиями своей фантазии превращать в образные подобию предметов и явлений, а непосредственно из образов. После общения с кино и телевидением читать литературу – это как после путешествия по морю пассажиром комфортабельного лайнера совершить то же путешествие в качестве гребца на галере. На Западе это вытеснение литературы видеоискусствами происходило постепенно и последовательно.

У нас еще даже в позднесоветские времена телевидение, например, не играло такой роли, как на Западе: у нас было гораздо меньше каналов, наше телевидение показывало мало фильмов, оно сплошь состояло из передач (ибо было средством прежде всего идеологического воспитания, а не развлечения), оно гораздо дольше было черно-белым, мы гораздо позднее узнали видеомагнитофоны, открыли для себя возможность смотреть что хочешь и когда хочешь, мы долго не знали спутникового телевидения и т.п. Совсем другими были и наши кинотеатры, их технические и репертуарные возможности. И вот в самом конце XX века всё это обрушилось на нас, но если в конце 80-х – начале 90-х было ещё малодоступным ввиду всеобщей нищеты и товарного голода, то уже в середине 90-х все эти возможности стали стремительно становиться реальностью для самых широких слоёв населения. Разумеется, прежде всего они были престижны для молодежи и подростков, для тех, кому сегодня от тридцати до сорока. Они уже практически не читают, не читают и их дети.

И об этом говорит М.М.Голубков: чтение перестало быть престижным занятием, утрачен навык серьезного чтения, исчезло семейное чтение, слово писателя заглушено словом телеведущего и шутками юмористов, книга перестала быть фактором общественной и частной жизни.

Таким образом, это вытеснение литературы видеоискусством произошло у нас, действительно, очень быстро, в считанные годы. Но в целом это процесс глобальный, характерный для всей мировой цивилизации. Это несомненно скажется ещё на природе литературы, на ее функциях и на ее судьбе, но пока трудно сказать, как именно.

Однако утрата литературой своего высокого статуса в культуре и в нашей жизни произошла не только в силу сдачи позиций видеокультуре. Литература в последние годы, действительно, всё чаще становится либо средством наживы, либо средством самовыражения. И это не может не изменить отношение к ней.

Став исключительно средством наживы, литература может уважаться только как таковая (“Молодец Донцова – лихо деньгу зашибает”). А став исключительно средством самовыражения, она просто перестает интересовать людей: им тоже интересны лишь они сами; они ещё заинтересуются статьёй о свадьбе или разводе поп-звезды (для чего есть журналы), но самовыражением малоизвестного им человека, тем более – изложением его на 200-300 страницах, – это вряд ли. Наверное, поэтому нынешние романы – это, как правило, очень небольшие романы, даже романы уже вполне признанных писателей (например, Паоло Коэльо). Вряд ли сегодняшний писатель может позволить себе написать роман объемом с “Войну и мир”.

Утрата высокого статуса в культуре вызвана еще и тем, что автор, видя в творчестве лишь самовыражение или наживу, отказывается от служения высоким идеалам, от поисков смысла жизни, от осмысления судьбы социума (этноса, народа, страны, человечества), о чем тоже говорит М.М.Голубков.

Чем вызван этот отказ? Думаю, в России это рано или поздно должно было случиться, и вот, наконец, случилось вовсе не случайно. Дело в том, что, как известно, литература в России всегда выполняла функции “чего только ни...”. Пока на бескрайних просторах империи не было сколь угодно свободной гуманитаристики, литература была и философией, и культурологией, и политологией, и психологией... Отсюда ее извечная именно в России перегруженность идеологией. И вот в эпоху перестройки всё это появилось: возникли новые науки, окрепли, набежали и отобрали у литературы каждый своё. И тут выяснилось, что у них-то своё есть, а у неё? Кроме

того, теперь снят был запрет на секс, на “чернуху”, на “стёб”, на мистику и т.д. Всё это хлынуло в литературу и стало восприниматься как собственно литературное содержание. Вот почему, думаю, поиски – ни много ни мало – смысла жизни, осмысление судеб народа или – тем более – всего человечества и т.п. воспринимаются теперь как чьи угодно функции, но не функции беллетристики.

Подводя итоги, еще раз отметим: характеристика, данная М.М.Голубковым современной литературе, вполне точна и справедлива. Причем такой характер ее определен не случайными факторами, проявившимися лишь в самые последние годы, а всем историческим развитием литературы, т.е. является закономерно обусловленным. Отсюда следует, что литературный процесс, конечно же, есть и сейчас. Отсюда с необходимостью следует и другое: надеяться на то, что в обозримом будущем литература, словно опомнившись, вернется к некоему прежнему состоянию (по М.М.Голубкову, к состоянию литературного процесса), не приходится. Катастрофа ли это? Трудно ответить определенно. Напомню лишь о том, что русская литература уже, как минимум, дважды переживала такого рода значительные изменения в своей природе, и оба раза это даже вызывало ее заметный расцвет – в пушкинскую эпоху и на рубеже XIX-XX веков. Являемся ли мы свидетелями еще одной мощной мутации природы литературы, которая до неузнаваемости изменит литературу, или же это не просто мутация, а агония – покажет время. Но такой, какой она была до сих пор, такой, какой мы ее понимали и любили, – литература уже не будет.

Как бы горько мы ни оплакивали литературу прошлого, не следует забывать о том, что существенные изменения в ней всегда вызваны существенными изменениями в природе человека, в его самосознании. Литература всегда такова, какая она необходима человеку сегодня для удовлетворения его актуальных духовных потребностей. Как бы ни менялась литература, наша задача – изучать её, постигать её нынешнюю природу и её нынешнюю значимость в жизни человека и общества.

Ясно, наконец, что отмеченные изменения, несомненно, заметно отразятся на отношении общества к литературе, а значит – и на преподавании литературы в школе, на преподавании литературоведческих дисциплин в вузе. И это уже сегодня должно стать предметом активного обсуждения.

Воспоминания

1. Наверное, пройдя войну, он поднялся над страхом, он понял цену исконным человеческим ценностям. В эпоху тотальной иерархичности он не боялся начальства. Нет, он не был бунтарём или нигилистом, он был сознательным коммунистом, но при этом был порядочным человеком. Когда он защитил докторскую, в ВАК полетели очерняющие его письма, написанные кое-кем из коллег по факультету. Из-за этих писем три года он ждал утверждения в степени доктора. Дождался, утвердили. Заодно и письма показали. Подписи, правда, загнули, но он легко узнал хорошо знакомые почерки. Через 10 лет он рассказывал мне об этом и заметил: “Они и сейчас работают на факультете”. – “Кто же это?” – спросил я. И ГА, иногда делившийся со мной даже глубоко сокровенным, помолчав, сказал: “Не надо тебе знать. Черт с ними!”. Теперь я понимаю: он смог подняться и над этим, и если даже не простил, то, по крайней мере, не опустился до затыжной склоки, бесконечного сведения счетов и т.п. Благодаря таким вещам он незаметно поднимался на свой Олимп, уходя от мирской суеты и будничных дрызг.

2. Древние считали самым большим счастьем быть самим собой. А Аристотель как-то заметил: “Теоретизирование – самое благородное из человеческих занятий”. ГА был вдвойне счастлив: он всегда был самим собой и он до конца отдавался занятиям теорией.

Литература

1. Голубков М.М. Есть ли сейчас литературный процесс? // Русская литература XX-XXI веков: проблемы теории и методологии изучения: М-лы Второй Междунар. науч. конф.: 16-17 ноября 2006 г. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 2006. – С.29-36.
2. Черноиваненко Е.М. Литературный процесс в историко-культурном контексте: Развитие и смена типов литературы и художественно-литературного сознания в русской словесности XI-XX веков. – Одесса: Маяк, 1997. – 712 с.
3. Вагнер Г.К. Канон и стиль в древнерусском искусстве. – М.: Искусство, 1987. – 288 с.